
ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА

Оробий Сергей

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МУЗЕЕВ*

Orobiy Sergey

The last of the museums

В начале апреля 2018 г. открылась «Полка» – сайт о главных русских книгах, отобранных критиками, литературоведами, писателями. Главных русских книг насчитано 108 – от «Слова о полку Игореве» до Пелевина.

Появление «Полки» хорошо подготовлено. Спустя 100 лет после знаменитого декрета большевиков мы вернулись в культуру ликбезов. Все стремятся узнать что-то новое. Самый яркий проект такого рода – «Арзамас», выпустивший множество концептуальных курсов на самые разные гуманитарные темы: от Шекспира и Ахматовой до тонкостей социологии и повседневной жизни Парижа. «Полка» с ее комментариями экспертов и множеством обещанных форматов, несомненно, идет в фарватере этого всеобщего движения. Но все-таки имеет особый статус, поскольку затрагивает важнейший для русской культуры феномен – книжный канон, которому мы обязаны школе. Александр Генис, вспоминая не очень любимые им школьные годы, объясняет это так: «Лучшие учителя, избегая ригоризма идейных вершин и сплетен житейского болота, шли средним путем. Они заме-

*Оробий С. Последний из музеев. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/october/2018/8/poslednij-iz-muzeev.html>

няли литературу историей литературы. На этом поприще школа достигла самого большого и наиболее долговечного успеха: она создала канон. От “Повести временных лет” сквозь “Князя Игоря”, Фонвизина и Карамзина он тянется к Пушкину, обнимает золотой XIX век и завершается бесспорным Чеховым. Канон – базис национальной культуры: он – то, что делает русским. В древнем разноплеменном Китае китайцами считали всех, кто знал иероглифы. Наши иероглифы – это классики, Толстой и Пушкин».

Но такая практика породила множество не только культурологических, но и психологических проблем. Со школьных времен классическая литература для русского человека есть мантра. Не все с ней знакомы, но все верят в ее незыблемость. В отличие от отечественной истории, которая переписывается постоянно, отечественная литература переписыванию не подвергается, невозможно разрушить этот монолит «От Пушкина до Чехова». Поневоле возникает тревожный вопрос: заменит ли «Полка» школьную программу? Для школьников ли она предназначена? Оба ответа отрицательные. Это скорее пособие для заинтересованного читателя и для практик медленного чтения особо значимых текстов.

По своей природе «Полка» – результат компромисса между упрямым каноном и доброжелательными списками, которых так много расплодилось на страницах разных изданий в 2010-е годы. Нет ведь больше никакого единого взгляда на литературный процесс (да и самого литературного процесса в классическом смысле больше нет). Отсюда «100 лучших романов XXI века», «10 книг лета», «5 книг года» – чем больше разных версий, тем лучше. Однако списки книг тоже становятся причиной серьезных конфликтов. В начале 2013 г. Минобрразование опубликовало список для старшеклассников, в котором не оказалось Куприна и Лескова, зато были Улицкая и Пелевин. Дымящиеся следы той полемики обнаруживаются на отечественных форумах до сих пор.

Авторы «Полки» держатся подальше от общественных баталий и поближе к классическому литературоведению, и поэтика списков в их исполнении приобретает новый смысл. Кроме «самых важных книг» «Полка» включает обширную систему списков второго порядка – что-то вроде списков для дополнительного чтения, там видно, в каком контексте это все существует, как связано с другими произведениями.

Вот несколько примеров. «Открытие истории»: от «Дмитрия Самозванца» до «Князя Серебряного». «Гротеск и чертовщина»: от «Невского проспекта» до «Истории одного города». «Новый эскапизм»: тут и «Азазель», и ивановский «Географ», и «ЖД» Быкова. Это очень информативный (а может, и самый важный) смысловой уровень проекта: показана сама кровеносная система русской словесности. На примере «Полки» видно, как «списочное» мышление становится по-настоящему концептуальным. Главный редактор «Полки» Юрий Сапрыкин объясняет это так: «Материалы типа “20 альбомов, которые нужно слушать в этом месяце” в последние годы, насколько я могу судить, несколько менее востребованы, чем материалы типа “Как научиться слушать классическую музыку”». Во-первых, потому что поколение, которое создало этот тип списочной журналистики, само несколько повзросло и поняло, что кроме альбомов, которые выходят в этом месяце, есть что-то важное и интересное, Гайдн например. А с какой стороны подступиться к Гайдну, это поколение не знает».

Еще в многочисленных интервью по поводу «Полки» ее главный редактор неоднократно повторяет: «Людям нужно меньше соцсетей и больше бумажных книг». Зачем тонуть в мутном потоке некачественного и эмоционально вредного контента, когда есть фундаментальные тексты, концепции, мысли.

Что же такое «Полка»? «Радикальный проект о радикальной литературе» (Линор Горалик), «...который представляется очень консервативным проектом об очень консервативной литературе» (Сапрыкин). «Сигнал к внутренней эмиграции – да, мы проиграли, давайте уйдем отсюда в прекрасный мир русской литературы» (Галина Юзефович). А можно взглянуть на ситуацию шире. Современная культура – переходная, она – Ноев ковчег: мы уже не ходим в (условные) библиотеки, но еще не окончательно переселились в (условный) айфон. И в этом контексте «Полка» выглядит памятником отечественному литературоцентризму. Музеем русской книжности. Умным, хорошо организованным, но все-таки музеем в память о «самой читающей стране». Той самой, где «книгу доставали», «давали на одну ночь», по Стругацким и Ильфопетровским цитатам опознавали духовно близких. Недаром, рассуждая про хронологические границы канона, ограниченные Пелевиным, Сапрыкин (и сам не отрицающий консерватизма своего проекта) замечает: «Подозреваю, что, случись следующей генерации составлять

подобный список лет через двадцать, “Чапаев и Пустота” туда уже не попадет». Ведь именно Пелевин был последним обладателем священного статуса «это должен прочитать каждый». Но в таком случае – что попадет? И будет ли это книжный бэкграунд, прочувствованный всеми сообща? Не заменит ли условного Пелевина условный Marvel или, скажем, условные «Во все тяжкие», коль скоро сериалы – это «новые романы»? Да и нужны ли будут кому-то сами списки, что угодно канонизирующие?..

Эпоха «главных книг» уходит даже в России, где это переживают болезненнее всего. Читателей можно утешить: теперь мы знаем, где эти главные книги стоят. На «Полке».

С. Г.